

Бредовые мысли героя

Геракл выскочил из-под Земли сам не свой, и первое время бежал, не оглядываясь, хотя гнаться за ним было некому. Чудовищного пса, который охранял вход в Преисподнюю, он волок на себе, и тот не представлял никакой опасности, поскольку крепко был спутан золотым канатом, украденным с ладьи Гелиоса.

Строгая богиня, что подбила героя на этот безрассудный поступок – утащить за собой сторожевого пса, благополучно покинула царство Аида, прихватив с собой Антея. Царь Ливии, с которым они вместе провалились под Землю, изворачивался и врал, де, он и не собирался убивать Геракла, напротив, принял его, как дорогого гостя, а тот сам захотел размяться после сытного обеда. Вот они и устроили борьбу на поясах. А поскольку оба ростом высоки и тяжелы в кости, Земля, де, не выдержала, и поглотила обоих.

Тут богиня и предложила им померяться силами еще раз, с условием, что тот, кто осилит Кербера, сможет беспрепятственно покинуть Преисподнюю.

Победил, естественно, Геракл, и лишь выбравшись на волю, понял, что оказался в очередной раз обманутым. Зловредный царь Ливии належке пробежал мимо, сопровождаемый богиней, одетой в коричнево-зеленый балахон.

«Наверняка, то была Персефона, жена Аида, потому что она сильно гневалась, и стегала незваного гостя кнутом, – задним числом пытался осмыслить происшедшее Геракл. – Антей покайно бормотал, что больше никогда не будет обижать чужестранцев. Да кто ж ему поверит! У него даже крыша дворца черепами гостей вымощена, но не буду же я доносить, что он все врёт! Тем более что думал тогда только о том, как самому на поверхность выбраться».

Обремененный громоздкой ношей, Геракл шел в гору, пытаясь вспомнить, где он провел последнюю ночь.. или сутки, а то и год, а может, и целую вечность. Память подсовывала обрывки событий, которые не складывались в единую картину.

«Вот он, собираясь на очередной подвиг, крадет зачем-то ладью Гелиоса... ну, впрочем, понятно зачем. Иначе как бы он добрался до островов Эрифии, где ему предстояло побороться с драконом, а обратно вернуться со стадом породистых коров, которых ждет, не дожидается хозяин его, Эврисфей».

Дракона он вроде бы одолел, заодно сторожевого пса изувечив, но где те клятые коровы,

убей его самого на этом самом месте, Геракл припомнить не мог.

Вообще-то память обычно не подводила героя, напротив, довольно сильно мучила, подсовывая картины, одна страшнее другой. Особенно про детей, за смерть которых Оракул и назначил искупительные подвиги. Но самое гнусное, что приказы он получает через дядьку своего Эврисфея, которому отдан практически в рабство. Мало того, что задания тот дает глупые – вроде похода за яблоками на край Света, так еще и глумится, в силу своего дурного характера. Может по прихоти своей любой подвиг не засчитать, как случилось с конюшнями Авгия, где навозу было по ноздри, а теперь – хоть на коне гарцуй. Битву с Антеем – ну, точно! – не засчитает. Скажет, «кто тебе велел в гостях драку затевать, а теперь врешь в оправдание, что царь Ливии затащил тебя в Преисподнюю! Оттуда еще никто не возвращался!»

По правде говоря, Геракл и сам усомнился бы, что побывал в Преисподней, если бы не трехглавое чудовище, что греет ему спину, связанное для надежности золотым канатом с ладьи Гелиоса. Зачем ему Кербер, и как его угораздило попасть в Подземное царство, герой не знал, однако всеми силами пытался разгадать эту загадку, хотя бы для того, чтобы убедительно отчитаться перед зловредным царем Микен.

«Впрочем, применение псу найти не трудно – хотя бы натравить на Эврисфея, если тот подвиг не зачтет. А потом и отпустить беднягу, не сладко ведь, поди, век под землей вековать, за мертвецами приглядывая. Хотя, какие они мертвецы, если рассуждают так здраво, да еще обмануть норовят? Тот же Антей, уж как хитрил, как выкручивался, пытаюсь выскользнуть из западни. И сумел-таки первым сбежать из Преисподней. Но ему подсобила какая-то знатная дама, по виду – богиня. Правда, богиня была не из добрых. Сурово, будто упрямого бычка, она стегала Антея кнутом, а тот бежал, аж пятки сверкали. А я, как дурак, боролся с Кербером. Прикидывается теперь паинькой, пригревшись на загривке, а в Преисподней плевался огнем, ощерив все свои чудовищные пасти», – вздохнул Геракл, поправляя неудобную ношу.

По мере того, как темнел над Олимпом небосвод, мысль героя прояснялась. Обрывки воспоминаний стали выстраиваться, пусть и в нелепый, но все-таки стройный ряд.

Вспомнилось, как Эврисфей, своим скрипучим голосом советует запастись провизией, прежде чем плыть на острова, а заодно заглянуть к правителю Ливии, Антею, который, де, встречает гостей доброй пирушкой, да молодецкими играми.

«Поначалу так оно и было. Великан Антей пригласил в дом, предложил отведать ливий-

ских яств, а потом поразмяться на свежем воздухе, подравшись на поясах. Мол, для него большая честь померяться силами с богатырем Гераклом, известным своими подвигами. Ну, как тут не развесить уши, доверившись простодушному на вид хозяину, чей дом – полная чаша, а душа – нараспашку».

Когда они вышли на борцовскую площадку, Геракла ничуть не насторожило, что крыша царского дворца вымощена белыми, сверкающими на солнце черепами. Немало он видывал и более странных обычаев. Одни покойников сжигают, другие кости предков дома на полках хранят, а есть и такие, что в склепах прячут, а потом перезахоранивают. Ну и что?! Боги не запрещают каждому общаться с душами предков на свой манер. А ливийцы к солнышку привычные. Вот Антей и выкладывает черепа предков на крышу, чтобы им тепло и светло было.

Так думал герой, потуже затягивая пояс перед схваткой.

«А черепа-то, оказывается, были заморских гостей, и все об этом знали. Только я, дурак, хлопал ушами, слушая лживые советы Эврисфея, – корил себя Геракл, упрямо шагая в гору. – Даже застыдился немного, мол, обманываю царя Ливии, не сказав, что пояс-то на мне золотой, и с него руки соскальзывают! А потом, когда Антей вцепился в пояс мертвой хваткой, решил, грешным делом, что он из-за

каната Гелиоса и затеял поединок. Хотел отнять!»

Геракл скосил глаза на канат, опутывающий шеи и лапы пса, а лохматая грудка на плече тяжело вздохнула, как бы сочувствуя герою в его нелегкой судьбе.

Геракл опешил и даже замедлил шаг.

«Неужто эта тварь мысли мои разгадывает? Как-никак пес-то из Преисподней, с Аидом, поди, на дружеской ноге, да и та дама, бурозеленая, что Антея на белый Свет выводила, сильно на богиню смахивает. Наверняка, то была Персефона, жена Аида, – кому еще в Преисподней командовать! Говорят, она животных больно любит, а муженек души в ней не чаёт, все капризы женки исполняет, даже наверх прогулять отпускает одну. Может, ей Кербер для охраны потребен? – осенило Геракла, но он отверг эту мысль, как негодную. – Если охранник нужен, могла бы сама пса вывести, так нет, нас с Антеем принялась науськивать. Мол, кто с Кербером справится, тому и открыта дорога наверх. Вот мы, дураки, и сцепились, что дети малые! По правде говоря, мне Кербер и даром не нужен, но эта хитрая богиня так ловко нас с Антеем стравила, что мы чуть не подрались за право скрутить собаку. А теперь тащи его на себе! Надо же так вляпаться! Занесла нелегкая в Преисподнюю, а вдобавок, почти всех коров на Телячьем берегу растерял. Теперь неизвест-

но, зачтет ли Эврисфей подвиг. Да и стыдно рассказывать о таком подвиге. Вралем посчитают, а еще и засмеют. И правда, каким надо быть идиотом, чтобы поверить Эврисфею, будто друг его, Антей, славится гостеприимством и щедростью. Во-первых, у Эврисфея отродясь друзей не было, а во-вторых, друзей не было и быть не может у царя Ливии! Ведь черепа-то на крыше вовсе не родичей, а чужестранцев, что причаливают по неведению к Ливийским берегам. Это меня уже в Преисподней осенило. И я, дубина стоеросовая, чуть не попал в число этих бедолаг. Он бы наверняка меня поборол, но я вовремя вспомнил байку, что Антея сама Мать Гея питает, и оторвал его от земли, когда он попытался сделать мне подсечку. Антей крикнул, воздух выпуская, я его еще сильнее сжал, тут земля под нами и разверзлась. Так, может, под землей нас встретила сама Мать Гея, а никакая не Персефона? – Геракл треснул себя по голове кулаком, однако мыслительный процесс от этого не ускорился. – Нет, башку можно повредить, едва про богов начинаешь думать, – тяжело вздохнул Геракл, покосившись на собачьи головы, мирно посапывающие на плече. – Глупая моя доверчивость во всем виновата, – выругал он себя. – Сколько раз твердил Хирон, что простота хуже воровства, – а я только хохотал в ответ, потому что в воровстве, по правде говоря, греха большого не вижу. А теперь вот воз-

ись с этим исчадием Ада! Да еще трехголовым! А если присмотреться, так и в хвосте еще одна пасть запрятана. Видал я сторожевых псов, но этот что-то больно хитер. Ведь мог бы запросто в холку мне вцепиться и загрызть. Интересно, языки у него ядовитые, или просто так, пугает? Ведь если ядовитые, почему не отравил меня еще там, в Преисподней? Так нет, пооплевался огнем, куснул разок-другой совсем не больно – даже следа не осталось, и дал себя скрутить. И сейчас храпит, пригревшись на моем горбу. Присесть что ли, передохнуть малость, авось не убежит. Канат Гелиоса вряд ли ему по зубам. Прав был Хирон, утверждая, что нет худа без добра. И потеря иной раз к выгоде. Ведь если бы я не потерял на Эрифии кушак, мне бы и в голову не пришло стянуть вожжи с лады Гелиоса! На что мне вожжи, когда у меня ни коня, ни лады летучей нет?! А вожжи-то пригодились! Любую другую веревку Кербер запросто перегрыз бы. Ну, разве что цепь Прометея ему не по зубам... так я ее этой дикарке-амазонке отдал!».

Герой впервые пожалел, что так опрометчиво разбрасывается божественными дарами.

«Век живи, век учись», – прозвучало над ухом любимое наставление мудреца-кентавра, произнесенное, однако, чьим-то чужим голосом, а в брюхе у Кербера булькнуло.

Краем глаза Геракл заметил, что лохматый хвост, где пряталась четвертая голова, весьма

смахивающая на змеиную, дружелюбно вильнул, прикидываясь обыкновенным собачьим хвостом. А еще недавно сыпал искрами и дразнился раздвоенным языком из ощеренной пасти!

Не поверив в искренность хвоста, предусмотрительно спрятавшего змеиную голову в кудлатой собачьей шерсти, Геракл ускорил шаг. Нет, с такой ношей не до отдыха! Надо поспеть в Микены пока там куча народу не собралась.

Микенские Львиные ворота, на ночь крепко запертые, открывались при первых лучах солнца, и, как правило, под стенами крепости уже толпились путники, да тянулась унылая вереница осликов, груженных разнообразной провизией. Торговцы и селяне спешили первыми попасть в город, чтобы занять лучшие места на рыночной площади.

«Эта трусливая свора просто разбежится, испугавшись моего трофея!», – усмехнулся Геракл.

А если честно, то вся округа побаивалась героя, даже когда он входил в город с пустыми руками. Не говоря уж о хозяине. Тот предпочитал отдавать приказы, надежно спрятавшись в пифос, врытый в землю, отчеты же слушал с балкона, укрывшись в тени опахал, которые держали двое рослых охранников.

Геракл заторопился, поглядывая на бледный лик Селены, и чуть было не упал, споткнувшись о какую-то корягу. Крепко выругавшись, герой еще крепче вцепился в шерсть зверя.

Настораживало, что Кербер ведет себя подозрительно тихо.

«Не иначе, как что-то задумал и выжидает момент, – горько вздохнул Геракл. – По правде говоря, если бы не идея натравить Кербера на хозяина, отпустил бы хитромудрую собаку прямо тут, пусть бежит, куда хочет».

«*Festina lente*», – вновь почудился чей-то насмешливый голос, причем на наречье Телячьего побережья. Гераклу не раз доводилось бывать в тех местах, и он понял, что кто-то советует ему поторапливаться, не спеша.

В брюхе у Кербера снова булькнуло.

«Неплохо было бы подкрепиться, а заодно и пса покормить, – сглотнул слюну Геракл. – Ведь с того злосчастного Ливийского пира, после которого они с Антеем провалились в Преисподнюю, крошки во рту не было. А тут еще пса голодного тащи. Дождусь, в загрибок мне вцепится с голодухи!» – и герой ускорил шаг, вспомнив, что по дороге есть пещерка, где пастухи оставляют припасы сыра, а то и вина.

За спиной кто-то захрюкал, как поросенок, в ответ тьякнул пес, и Гераклу показалось, что над ним смеются головы Кербера. Однако догадка была отвергнута как заведомо нелепая.

«Этого быть не может, потому что не может быть никогда, – успокоил себя Геракл, как ему казалось, безупречным доводом. – А, кроме того, головы Кербера вовсе не свиные, а змеиные!»

Скосив глаза, он обнаружил на плече нормальную морду нормальной лопоухой собаки. И она мирно спала, посапывая. Посоветоваться было не с кем, и Геракл воздел глаза к Небу, откуда за ним безмолвно наблюдал Немейский лев. Тут героя осенило, что тащить в Микены пса вовсе незачем.

Мысли теснились – одна несуразней другой.

«Может, накормить собаку и отпустить? Кербер мне еще спасибо скажет, что я его на волю выпустил, а подвиг мне все равно не засчитают. И то, правда, чудища подземного мне никто не заказывал. А может, сказать, что это трофеей... нет, лучше, пленник! Как-то почетнее. Хирон учил, что пленник тоже человек, и обращаться с ним надо по-человечески. Тьфу, ты, – рассердился на себя Геракл. – Обозвать собаку, пусть и трехголовую, человеком! Со всем запутался... хотя, этот зверь иного человека за пояс заткнет. Не каждый сумеет из Преисподней выбраться и припеваючи на чужом горбу ехать. Похоже, он всех перехитрил!».

Средняя голова зашевелилась, и над ухом прозвучало: «Утро вечера мудренее».

Откинув мысль, что собака учит его жить, как явно бредовую, Геракл заспешил к пещере.

Неважно, кто дает хороший совет, – последовать ему не грех.

Чудеса продолжают

Предутренний туман застилал долины, а Геракл все никак не мог решить, идти ли ему в Микены с Кербером, или отпустить пса на все четыре стороны.

Перед городскими воротами всегда туча народу. Торговцы с мулами ощупывают грузы, опасаясь, как бы в суете кто не покусился на их добро, паломники с суковатыми посохами держатся особняком, ибо считают себя чуть ли не святыми, воины с пиками и луками, эти особенно злы, потому что при входе в город их вынуждают сдать оружие страже. Геракл представил, как он сам протискивается сквозь толпу, с трехглавым псом на загривке, и чуть не рассмеялся.

– Да, дружище, не пустят нас с тобой в Микены, со страху камнями забросают. И защититься мы не сможем. Ты, брат, связан, у меня руки тобой заняты, а дубина болтается без дела, только по ногам колотит, – хохотнул Геракл, почувствовав к Керберу что-то сродни симпатии.

Пес, однако, не подавал больше признаков жизни. Крайние головы Кербера поникли, без-

вольные и безучастные, а средняя, вроде, даже окоченела.

«Умер, или просто прикидывается, чтобы разжалобить? – встревожился Геракл. – Он ведь у меня хитрюга».

За время непростого их путешествия пес стал ему почти что другом. И тут героя посетила невероятная мысль: «а вдруг – это Кербер вывел меня из Преисподней, а не наоборот. Надоумил идти в пещеру, где есть припасы, а сам умер, чтобы без проблем вернуться обратно, к своему хозяину Аиду. Аид-то, говорят, нечета Эврисфею, суров, но справедлив! Что ж делать? Похоронить? А может, в ручье искупать? Близ пещеры есть живительный источник. На себе испытано, и не раз. Стоит рану в том ручье омыть, вмиг заживает».

Геракл замер, прислушиваясь к дыханию собаки, но ничего, кроме слабых ударов, ритмично стучащих прямо в затылок, не услышал.

«Так бьется сердце, – с облегчением подумал герой, вспоминая уроки Хирона. – Правда, у трехголового пса и сердец должно быть три, а впрочем, кто его знает? Крайние-то головы висят, что груши. Да, еще в хвосте у бедняги змеиный язык мелькал, может, он теперь главный?! Как бы за пятку не укусил... вдруг Кербер и не собака вовсе, а оборотень. Или змей. А змеи в спячку, говорят, впадают. Зря я все-таки от-

лынивал от уроков. Ругал меня Хирон, ругал, и все, как в прорву. Теперь вот собаку от змеи отличить не могу, а сколько у кого сердец – убей меня на этом самом месте, – не знаю! Судя по людям, иные и вовсе без сердца живут. Про них так и говорят – бессердечные. Да я и сам хорош! Разве можно издеваться над пленником, держа его без еды и питья. Самому уже голоса мерещатся с голодухи, а собака ничего плохого мне не сделала, и вообще ведет себя вполне прилично».

Кербер будто понял мысли Геракла, и средняя, самая умная голова, приподнявшись, лизнула заросшую двухдневной щетиной щеку.

Геракла охватила волна нежности и тепла. В ответ захотелось потрепать Кербера за ухом. Но еще больше захотелось пожаловаться добродушной песьей морде на неблагодарных микенцев, которые давно напрашиваются, и когда-нибудь получат. Ведь крепостные ворота названы Львиными в честь его победы над Немейским львом! И кто это ценит?! Рассказать бы, как он тащил льва вот так же, на загровке, правда, уже убитого, и как ликовали микенцы, славя героя, избавившего их от злобного порождения Ехидны и Тифона! Весь город высыпал на площадь, чтобы чествовать победителя Немейского льва. А лев-то был не простой, а саблезубый! Повадился резать скот прямо под носом у пастухов. Не брезговал и зазевавшимися

людишками – «коих ел, а коих в лес волочил», как пел тогда бродячий бард, любимец горожан. Прослышав, что Геракл поверг чудище, микенцы, обычно-то трусоватые, как и их царь, осмелели, кинулись навстречу, норовя оторвать клочок от шкуры не ими поверженного врага.

– Ну, я им пинков надавал, нечего портить благородный мех, – неожиданно для себя похвастался Геракл, глянув на собачью морду. Та в ответ хитро приоткрыла правый глаз. – А шкура-то львиная не раз меня выручала! Знал бы ты, куда меня только не заносит, эти дурацкие задания выполняя. – Песья голова добродушно зевнула, но Гераклу показалось, что улыбнулась. – Эврисфей и тут отличился! Даже мертвого Льва испугался! Помахал рукой из надвратной башни, крикнул, что подвиг засчитывает, и велел тащить льва в храм Зевса, мол, посвящает мой подвиг Громовержцу. Это он посвящает, будто я сам не догадался бы! Зато Зевс подвиг оценил! Повелел учредить Немейские игры, и проводит их каждые два года, а самого льва, говорят, взял на Небо. Хотя не представляю, как бедняге там живется, без шкуры-то, – виновато проговорил Геракл. – Может, ему новую Зевс подарил... а от микенцев благодарности не дождешься. Никто и не вспоминает о моем подвиге, даже когда чествуют победителей игр, ни про льва, ни про меня доброго слова не скажут.

– Zic transit Gloria mundi – раздалось над ухом, и снова на наречье Телячьего побережья, который Геракл хорошо знал, часто бывая там по делам. «Уж не разбойник ли Как, что присвоил себе половину Герионовых стад, прячется где-то в кустах, надеясь еще чем-нибудь пожитья?! Да еще потешается, мол, слава твоя, герой, недолговечна!»

Геракл окинул взглядом темнеющие вдоль ручья заросли. Никого.

Головы Кербера приподнялись и тоже осмотрели окрестности. Геракл инстинктивно отшатнулся, ожидая увидеть над своим плечом змеиные пасти с раздвоенными языками. Там, в Преисподней, они были куда активней средней, собачьей головы, плюясь во все стороны огнем.

Однако все три головы были, как три щенка одной собаки. Лопухие, добродушные, с высунутыми красными, совершенно собачьими языками. Рыжие янтарные глаза средней головы улыбнулись, и Геракл услышал:

– Ум хорошо, а три лучше!

– Я слышал, «два лучше», – оторопело проворкотал Геракл, отказываясь верить, что псы, пусть и трехголовые, умеют говорить. «Зверь, безусловно, умен, но чтобы человека учить!? Ну, точно, с голодухи ум помутился, вот и чудится всякое!»

Живительные воды ручья журчали у самых ног, и Геракл с облегчением скинул ношу с плеч. Средняя, самая умная голова, тут же принялась жадно лакать. Те, что раньше были змеиными, вели себя сдержанней и к воде не притронулись.

Когда собачья голова напилась, Геракл, подавляя страх и некоторую брезгливость, решил опустить в воду хвост, заодно проверив, а есть ли там змеиная пасть. К вящему изумлению Геракла, ни змеиной головы, ни раздвоенного языка не обнаружилось, более того, хвост вырвался и стал дружелюбно мести пыльный берег ручья.

Пещера своим открытым зевом приглашала отдохнуть, и Геракл принялся было распутывать канат, однако вовремя одумался. А вдруг зверь только прикидывается добрым? Так ведь часто бывает – ты к человеку всей душой, а он тебе – нож в спину.

Обманываться в очередной раз не хотелось, и герой решил предоставить пса самому себе. Если он такой умный, пусть сам выпутывается! Опыт показывал, что когда начинаешь кого-то жалеть, выходит еще хуже. Ты его пожалеешь, а он на жалость твою обидится, злобу затаит и в удобный момент тебя предаст, в отместку за доброту.

От грустных воспоминаний на Геракла навалилась смертельная усталость, и он сел у входа в пещеру, прислонившись к скале. Камень при-

ятно охлаждал спину, рядом журчал ручей – все располагало к безмятежному отдыху. Вытянув с наслаждением ноги, герой уставился в небо.

В утомленном мозгу сами собой родились удивительные слова: «Открылась бездна, звезд полна, звездам числа нет, бездне дна».

Гракл ущипнул себя за ляжку, чтобы вернуться к реальности – этому методу его когда-то научил Хирон – но голос не умолк, а продолжил торжественно и заунывно:

Песчинка как в морских волнах
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом, как перо, огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслью утомлен.

Сон смежил веки героя, окончательно путая явь с вымыслом. В мозгу мелькнуло тревожное: «Зря не развязал беднягу! Лапы-то, наверное, затекли! Вздремну чуток, а потом отпущу, а то, развяжешь, и он все припасы слопает».

А с Неба глядел, посмеиваясь, Немейский лев.

ТЫ КТО?

Проснувшись, Геракл не сразу понял, где находится, который сейчас день и час. Синели верхушки гор, долины заволкло туманом, обещавшим обильную росу и ясный денек. То, что горы кругом, это понятно. Ему часто приходилось ночевать в горах. А вот откуда шел и зачем собаку трехглавую на себе тащил, хоть убей – не помнил! По всем признакам с ним был страж Преисподней, Кербер, но разум отказывался верить, что человек может побывать в Царстве Аида, да еще благополучно вернуться оттуда с добычей.

«Если сам себе не веришь, как тебе поверят другие?» – посетила голову здравая мысль, окончательно решив проблему – вести пса в Микены, или отпустить на волю. – Впрочем, пес, похоже, сам удрал, и это к лучшему. Перекушу маленько, и в путь!»

Тащить странного зверя в город категорически не хотелось и не только из-за трусливых микенцев. К доброй потасовке он всегда готов, и с превеликим удовольствием навалит лю-

бому, но не было уверенности, что пес примет его сторону. Ведь получилось бы, что микенцы освобождают бедное животное. А он сам только и умеет, что пугать добропорядочных горожан непотребным чудищем, которого неизвестно откуда приволок. Идея спустить пса на Эврисфея выглядела, по зрелом размышлении, сомнительной, да и вряд ли Кербер согласится загрызть царя Микен. А если и загрызет, икупительных подвигов это все равно не отметит. А, может, и новых добавит!

Геракл воздел глаза к небу, чтобы определить, близок ли рассветет. На смену бледнолицой Селене готовилась выйти розовеперстная Эос. Созвездие Льва несколько поблекло, но все равно выглядело достаточно внушительно и, как показалось герою, насмешливо подмигивало ему. Душу кольнуло уязвленное самолюбие.

«Стараешься изо всех сил, выполняя задания этой сушеной рыбины Пифии, и какой результат? Все, кого ты победил, – на небесах, а сам мечешься, как перекасти-поле, никому не нужный, ни на земле, ни на небе. В родной город не знаешь, как попасть. И не с пустыми руками идешь, а с добытым в бою трофеем. В Преисподнюю каким-то чудом занесло, так и там не удержался. Да еще Кербера с места сорвал. Зачем он мне понадобился, ума не прило-